

мифа». Но чем сильнее реальность расходилась с образами официальной пропаганды, тем сильнее и агрессивнее государство всеми доступными средствами насаждало имперскую идеологическую утопию, в которую, однако, внедрялись и новые элементы, связанные с христианством.

Позднеримские интерпретации имперского мифа основаны на представлениях о вечности Рима и о вселенском охвате Римского государства, о его цивилизующей миссии и, наконец, на идее внеисторической империи с центром в Риме как высшей и единственно возможной формы организации человеческого общества.

Одновременно произошла существенная трансформация и христианской религии; последняя, пройдя процесс институализации и превратившись в церковь, сама во многом уподобилась современной ей империи, а главное – увидела возможности извлечь конкретные выгоды от возникшего с ней идейно-политического союза.

Позднеримское христианство, кроме прочего, усвоило ряд положений, утвержденных империей в качестве идеологического базиса своего существования, по-своему их интерпретировало и обеспечило им достаточно длительное существование уже после падения самой империи.

Рассмотренные выше ключевые положения имперской идеи с упадком язычества и утверждением новой религии в эпоху Поздней империи теснейшим образом связаны с христианством. Со временем утверждается – одновременно и западной церковью, и властью – концепция универсальной христианской империи; объединительная централизующая миссия Рима становится миссией Церкви, но задачи империи теперь напрямую связаны с задачами христианства.

Развитие положений «римского мифа» можно наблюдать не только в действиях официальных властей, но и в общественной мысли того времени. Примером служат произведения позднеримской литературы.

Языческие авторы IV–V вв. в своем творчестве продолжали идеологические традиции своих предшественников. У них мы встречаем прежние положения «римского мифа», например, культ города Рима и богини Ромы. О прочности данного культа свидетельствует тот факт, что он не был искоренен еще в V в.: именно к РOME (т.е. к божественному Риму) возносил свои мольбы языческий поэт, галл по происхождению, Рутилий Намациан, сложивший настоящий гимн божественному городу Риму [Возвращение на родину, I, 45-54].

Рим мыслился как наднациональный институт, осуществляющий слияние всех государств и народов в рамках общего единства. Намациан торжественно восклицал: «...Рим и для них [покоренных народов – А.Б.] сделался домом родным! / Курия римлян святая открыта и славе неримлян, / И не чужие ему, кто по заслугам свои» [I, 12-14].

Традиционным для поздней имперской эпохи стало представление о Риме как о Вселенной. В контексте Римского государства употреблялись термины *orbis*, *kosmos*, *oikoumene*. Рим – город, полис (а идеальному полису, по суждению Аристотеля, полагалось непременно быть обозримым с вершины его акрополя) – мыслится равновеликим миру. Поэтому не случайно Рутилий Намациан нашел особый символизм и историческую закономерность в созвучии латинских слов *urbs* (город) и *orbis* (мир): «То, что было – весь мир, Городом стало одним» [I, 66].

В эпоху Поздней империи христианские авторы также переосмыслили имперскую идею и теснейшим образом соотносили ее с со своей религией.

Еще Тертуллиан в разгар гонений III в. признавал, что империя по-своему нужна, ибо ставит пределы злу и несчастьям рода людского: «Есть у нас другая, большая нужда молиться за императоров... и за Римское государство. Мы знаем, что предстоящая всему земному шару величайшая катастрофа и самый конец мира, грозящий страшными бедствиями, замедляется римскою властью. Мы не хотим испытать этой катастрофы и этого конца, и потому, когда молимся об отсрочке этого, то этим самым содействуем продолжению Римского государства... Мы в императорах видим судей Бога, Который поставил их начальниками над народами... Мы молимся и за императоров, их министров и власти, за существование рода человеческого, за спокойствие государства и за замедление конца мира» [Апологетик, 32, 39].

А. В. Бирюков (з. Могилев)

«РИМСКИЙ МИФ» В ПОЗДНЕРИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Поздняя Римская империя, как обычно называют период с воцарения Диоклетиана в 284 г. до низложения Ромула Августула в 476 г., продолжала эксплуатировать созданную в предшествующие столетия государственную имперскую идеологию. Эта идеология основывалась на т.н. «римском мифе» – продукте политического мифотворчества, корни которого уходят еще в республиканскую эпоху.

«Римский миф» завершил свое формирование в I–II вв. н.э. Еще Октавиан Август провозгласил наступление «Римского мира» – *Pax Romana*. В эту идеологию вкладывался конкретный смысл: Рим смог покорить своей воле *Orbis terrarum*, «круг земель», т.е. практически весь известный на то время мир, и принес себе и побежденным народам счастливое время, «золотой век», когда все человечество сможет наслаждаться благополучием и процветанием под римским управлением и под защитой римского оружия [8, p. 226].

Ко времени Поздней империи агрессивно пропагандировалось властями и, видимо, достаточно широко распространилось в обществе представление о Риме как о естественном центре ойкумены – Вечном Городе (*Urbs Aeterna*), объединившем все цивилизованное человечество и ставшем для всех народов единой отчизной. Общегосударственное распространение приобрел культ Вечного Рима (*Roma Aeterna*). Этот культ являлся концентрированным выражением «римского мифа». С ним тесно переплетался императорский культ, выраженный в почитании живых принцевов и в обожествлении с санкции Сената умерших императоров. Имперский культ получил развитие преимущественно в провинциях. Фигуры императоров обретали сверхчеловеческие черты, что вообще характерно для политических мифов [5, с. 185]. Персонажи мифологии, в том числе «римского мифа» (сами императоры, благоволящие им божества, орел Юпитера. Капитолийская волчица, сакральная атрибутика – рог изобилия, земной шар и т.п.), часто изображались на легендах монет, начиная еще с эпохи Антонинов [2, с. 158-180]. Наконец, в заключительной фазе развития «римского мифа» в его центр помещается сакральная фигура императора: он отождествляется с Римом, становится гарантом непреходящего «золотого века» и вечности самой империи.

Кризис III в., варварское давление на границы империи, прогрессирующая экономическая стагнация, вырождение императорской власти в открытую автократию, наконец, постепенный упадок римской религии и распад государства в IV–V вв., казалось бы, опровергали устоявшиеся положения «римского

В поздней империи Единый Бог стал средством скрепления единства: земная власть императора была объявлена отображенным небесным отечеством для всех подданных. В связи с этим Тертуллиан доказывал лояльность христиан по отношению к императорской власти: «Но что мне более сказать об уважении и почтении христиан к императору, на которого мы должны смотреть, как на лицо, избранное нашим Богом? Да, я по справедливости могу сказать: император больше наш, чем ваш, так как он поставлен нашим Богом» [Апологетик, 32].

Сохранялось и укоренившееся убеждение в провиденциальном назначении империи: она была создана почти в самый канун рождения Христа, чтобы «вместить» христианство. Автор IV в. Пруденций верил в провиденциальную миссию Рима, но тесно увязывал миродержавство Рима и будущее самой империи с идеей распространения христианской религии, с необходимостью небесного заступничества Христа. Пруденций пропагандировал оптимистическую идею постоянного роста и усиления христианской империи под контролем и с помощью Бога [3, с. 14, 21-22].

Даже взятие Рима вестготами в 410 г., произведшее ошеломляющее впечатление на современников, Августин Блаженный в своем «Слове о разорении города Рима» интерпретировал не как погибель, а как наказание великого города: Рим уцелел именно ради христианских праведников, обитавших в нем [11, 2].

Связь идеи империи и христианства ярче всего выражена в творчестве Евсевия Кесарийского. Он писал: «Один Бог властвует всеми, одна империя для обладания всеми народами. В одно и то же время по небесному изволению появились два ростка, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир, – это Римская империя и христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении... Область распространения ее господства идет до пределов земли. Весь мир составит одну нацию, все люди соединятся в одну семью под общим скипетром» [цит. по: 7, с. 11].

Таким образом, Евсевий Кесарийский помещал Imperium Romanum на место библейского универсального мира народов, Царства Божия. Соединить целый мир в имперском и христианском единстве – так была обозначена новая историческая миссия Римского государства и римской церкви. Государственное христианство с IV в. приняло форму не столько религии, сколько унитарной космополитичной идеологии «священной» вселенской империи, а позднее на Западе, по выражению Н. Лисового, «идея Империи была переплавлена в идею папства, идею римского престола» [7, с. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий Августин. Слово о разорении города Рима // Вестник древней истории. – 2001. – № 2. – С. 245-250.
2. Констан, К., Фустер, К. Римские императорские монеты / К. Констан, К. Фустер. – Мадрид, 1996. – 437 с.
3. Мязина, О.Б. Представления об императорской власти и исторических судьбах Рима в контексте полемики христианства и язычества на рубеже IV-V вв. (по материалам творчества Пруденция): Автореферат дисс. ...канд. ист. наук / О.Б. Мязина. – Казань, 2002. – 26 с.
4. Намациан, Клавдий Рутилий. Возвращение на родину // Поздняя латинская поэзия. – М.: Художественная литература, 1982. – 719 с. – С. 283-304.
5. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство / В. Полосин. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.
6. Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле / пер. А.Ю. Братухина. – СПб.: Изд-во О. Абышко, 2005. – 256 с.
7. Три Рима / сост.: Н.Н. Лисовой, Т.А. Соколова. – М.: ОЛМА-пресс, 2001. – 463 с.
8. Rosenstein, N. War and Peace, Fear and Reconciliation at Rome / N. Rosenstein // War and Peace in the Ancient World / edited by Kurt A. Raaffaub. – Blackwell Publishing, 2007. – P. 226-244.